

Это интервью было записано весной 1996 года в Новосибирске. Предполагалось, что его героем станет Валентина Антоновна Сенгалевич.

СЕНГАЛЕВИЧ-КОПЫЛОВА Валентина Антоновна (1886, г. Варшава – 1963, г. Новосибирск), педагог, скульптор, член Союза художников РСФСР. Окончила Варшавский девичий институт, брала частные уроки по истории искусства и скульптуре у профессора Урбанского и скульптора Отто, прошла двухгодичное обучение в Римской академии искусств по классу профессора Макканьяни. В 1938 г. окончила Московский институт иностранных языков. Свободно говорила на английском, немецком, французском языках, знала польский, литовский, изучала казахский язык. Педагогической деятельностью начала заниматься в Бийске с 1917 г.: преподавала скульптуру на факультете изобразительного искусства Алтайского народного университета, в городской художественной студии, на платных курсах «Свободная Артель художественной интеллигенции», преподавала лепку и историю искусств на первых курсах переподготовки учителей Бийского уезда. Собрала большую коллекцию художественных ценностей для открытия в Бийске краеведческого музея. С 1922 по 1930 г. преподавала рисование и лепку в школах и художественно-промышленном техникуме г. Омска, иностранные языки – в вузах Новосибирска, Ташкента, Свердловска и Москвы. Занималась творчеством в области скульптуры.

Беседа проходила с её дочерью Еленой Григорьевной Гнедковой. Но так получилось, что они вдвоём стали персонажами повествования. В 1999 году Елены Григорьевны не стало...

А 2000 году не стало и её сына Вадима Николаевича Гнедкова – известного сибирского кино-теле режиссёра, одного из основателей Новосибирского ТВ, снимавшего документальные и художественные фильмы. Тем бесценней исторические факты, сведения о годах минувших. В таком расширенном объёме интервью публикуется впервые. Интервью вёл искусствовед Дмитрий Золотарёв.

Людмила Гнедкова

– Елена Григорьевна, расскажите о Вашей маме.

– О маме? У мамы сложилась трагичная жизнь, в том смысле, что из-за своей безумной любви к искусству она попадала без конца в передряги.

– Как она решила стать скульптором, редкой профессией для женщины?

– Мама училась в институте благородных девиц в Варшаве. Закончила его в 1904 году. В это время у неё был интерес к рисованию. По окончании института мама получила в награду за успехи в этом предмете ящик с красками (он у нас потом долгое время хранился). Но стоило ей попасть в мастерскую скульптора, как она потеряла интерес к живописи, стала только лепить. «Это – моё», – говорила она. У неё была патологическая любовь к форме: поставит кувшинчик и смотрит... «Красивую форму я могу глазами пить», – так говорила. Она стала просто помешана на скульптуре.

Где она обучалась профессионализму?

– После того как мы получили наследство, мама уехала в Италию учиться скульптуре. Ей безумно нравилась Италия с её особой атмос-

ферой, её памятниками. Нравились итальянцы в отличие от немцев и французов – их она называла «приземленными». Она считала, что это были самые счастливые годы её жизни.

– Долгим был итальянский период в жизни?

В Италии она была года полтора. Там она не только училась у хорошего мастера, но смогла отлить в бронзе свои первые профессиональные работы, которые потом выставляла в Варшаве. Но тут папа «возопил» и обратился к бабушке, чтобы вернуть маму. Бабушка взяла меня, 5-ти летнюю, и мы поехали в Рим. Пришли в отель. Мама в ужасе хлопнула в ладоши: она не догадывалась о нашем прибытии. В Италии мы были недели две – ходили на Выставки, съездили в Неаполь смотреть море, были в помпе. У меня сохранились хорошие детские впечатления от тех поездок. Помню раскопки, которые тогда шли в Помпее, помню Везувий... Маму мы вернули.

– И приехали в Бийск?

– В Бийск мы приехали позднее. Это было время перед первой мировой войной. Железная дорога тогда доходила до Барнаула, а до Бийска мы добирались на пароходе. Дом наш еще строился, и первое время мы жили на даче. Мама же уехала в Петербург. Поступила на декоративное отделение в какое-то художественное училище, на курс резьбы по дереву и на курс майолики, а потом привезла в Бийск круглые цветные майолики с изображением средневековых мужчины и женщины в гофрированных воротниках. В Петербурге мама была помощником известного тогда скульптора Аламсона, который возглавлял проект памятника, посвященный 300-летию династии рода Романовых, где предполагалось разместить царственных особ. Необъяснимый мистический случай из практики рассказала нам мама. Натурщики должны были позировать в подлинных исторических костюмах. Но вот когда стали лепить одну фигуру, здоровый мужик в одеянии Павла I (как известно, убитого) упал в обморок. И второй натурщик тоже упал в обморок. Пришлось лепить Павла I с манекена, одетого в костюм императора. Все работы шли до семнадцатого года. А в 16-году мама взяла отпуск и приехала в Бийск. Хлоп! – 17-й год! Пришлось ей остаться в Бийске, где у мамы произошло нервное расстройство. «Это стена! Тупик! Крепость!» – восклицала она. К ней вызвали врачей. Но не они ей были нужны. Как только начался культурный подъём в городе, она быстро включилась в работу.

– Что же представлял Бийск в революционные годы?

– В Бийске тогда была одна главная улица, мы её называли – Большанка, и то грязная, вся в шелухе от семечек. Были в городе и миллионеры, сделавшие состояние на торговле с Монголией и Китаем. Так Ассанов выстроил особняк в модном стиле с мраморными лестницами. Городские контрасты были разительны. Я знала сына Ассанова Павлика. Чехи, когда уезжали, забрали всё их семейство. Но далеко они не уехали. В Сибири была эпидемия тифа. В Новониколаевске, городе, где проходили поезда, лежали штабеля умерших, их не успевали хоронить. Павлик вернулся без отца. К этому времени новые власти взяли их особняк в «оборот». Жить ему пришлось в бане недолго, и он умер от болезни.

Был и другой миллионер, кажется, Сычев. Он первый купил авто-

мобиль и гонял на нем по городу, не очень соблюдая правила, которые и контролировать было некому. Так он давил гулявших по улице гусей. И тут же платил за них владельцу. Что же вы думаете? Бийчане стали сами подбрасывать своих домашних птиц под колеса его автомобиля.

– ***Что же происходило в Бийске в революционные годы?***

– Было очень беспокойно. Была резкая смена власти. Наезжали то красные, то белые. Был даже план разграбления всего Бийска. Как-то приехали банды на телегах с той стороны реки. Начальник переправочной станции не дал им буксир. Они ему кричат: «Давай паром!». А он в ответ; «Федька сдох!» – мол, не работает транспорт. «Федька» – название буксира. Ждали они до вечера. И разъехались. «Варфоломеевской ночи не произошло... В Бийск с белыми пришла очень интересная публика. Мама заметила одну женщину: та один день одевалась в пушкинском стиле, другой в стиле Бедуин». Выяснилось, что она была некая графиня Подгоречани. Себя она считала поэтессой. Мама лепила её в разных видах маленькими скульптурками. Поэтесса уехала вместе с белыми. Что с ней стало – не знали. Потом, уже много позже мы случайно купили книжку о Правилах дорожного движения московского издания. Её автором оказалась Подгоречани. Она занималась литературой, писала для детей. Приехала и столичная интеллигенция, в том числе ставший известным писателем Бианки.

– ***Расскажите об образовании Бийского краеведческого музея.***

– В Бийске было не много интеллигенции, в основном учительская. С приездом петербуржцев творческая жизнь активизировалась. Ставились вечера, где люди выступали: читали стихи, пели. Помню один такой весенний вечер. Стояли букеты сирени, черемухи. Виталий Владимирович Бианки читал стихи.

В организации музея приняли участие: Бианки В.В. как директор, Донорский был минеролог, Хребетов – ботаник. Мама собирала художественный отдел. Как это произошло? Уже после реквизиций, когда у купцов всё конфисковали, власти не знали, что с этим богатством делать. Надо сказать, у купцов были коллекции восточного искусства. И решили просто раздавать эти предметы (например, уникальные сервизы) и пользоваться ими как простой посудой. Мама, заручившись от властей грамотами, сделала так, чтобы эти редкие вещи попали в музей. Одних Будд и восточных божков там было десятка два. В Бийске находился старый казачий собор, построенный с тех времен, когда города ещё не было, а была только крепость. Мама пыталась его защитить, но его снесли.

– ***Занималась ли Валентина Антоновна скульптурой в Бийске?***

– Мама преподавала скульптуру в Народном университете. С собой она привезла специальный набор столярных инструментов. По придуманным ею чертежам делали мебель. Она её красила, выпиливала орнаменты, обрабатывала мелкие детали. Так из деревянной поверхности выступали львы. Знакомые даже писали шуточные строчки об её увлечении мебелью в стиле ренессанс. Занималась она и лепкой. Из Бийской глины получались красивые белые произведения с «фарфоровым» блеском. Мама лепила родных, знакомых, нас детей, романтиков: Шекспира, Шиллера.

Были у неё и ученики, которых она любила как родных детей. Это Ваня Алеев и Женя Кротова. Этот Ваня расписывал и продавал коврики. Мама поняла, что это талантливый парень. Взяла его в Народный университет в рисовальный класс. И сама учила его лепке. Ваня развернулся. При НЭПе писал вывески. Позже учился в Омском Художественно-промышленном техникуме им. Врубеля. Лениных и Марксов запросто лепил. Вступил в комсомол. Его направили раскулачивать на Алтай. Там и погиб 16-летним. А Женя Кротова закончила тот же техникум, стала художником. Мы дружили с ней всю жизнь.

– *Из Бийска вы уехали?*

– В 1921 году мама приехала в Омск, стала преподавать скульптуру в худ. техникуме им. Врубеля. Из Бийска стали разъезжаться и вся остальная интеллигенция. В Омск переехал Хребтов (у него сохранилась, пожалуй, единственная работа мамы. Техникум прозябал отчаянно, но в городе бурлила культурная жизнь. Публика была изощренная, немного декадентская. На вечерах ставили даже Ростана. Жить было трудно. Мама стала преподавать ин. языки во всех институтах. Так позднее было всегда: для себя – занятие скульптурой, а заработок – преподаванием. Мы с мамой сняли небольшой домик. Мама продолжала лепить... Когда лепила, то ни о чем не думала. Не ела. Прихожу со школы, а обед не съеден: мама не могла оторваться, ей ни до чего не было дела... Потом наши пути разошлись. Я стала жить в Новосибирске.

– *А мама?*

А мама уехала в Среднюю Азию, в Ташкент. Там преподавала в интересной школе местных художников. Вы знаете что такое гани? Это традиционное объединение художников по глине. В орнаментике они были умельцами, а фигурки животных, людей у них не получались.

В 1935 году я приехала навестить маму. Там я познакомилась с Барнаульскими художниками Вадимом Гуляевым, М. Курзиным и Е. Коровай, их я помнила по Бийску. Гуляев был, что называется, с новыми идеями. Мама показала мне его картину с названием «Восток»: неясные желтоватые архитектурные мотивы, два черных глаза женщины в парандже. Выразительные глаза, обжигающий взглядом. Мне эта работа понравилась. Мама сказала, что я разбираюсь в современном искусстве.

– *С какими еще алтайскими художниками была знакома Валентина Антоновна?*

– Мы хорошо знали Андрея Осиповича Никулина. Он ежегодно приезжал в Горный Алтай на этюды. Познакомились в Белокурихе. У них с мамой было много общего. Оба были в Италии. Их творческие судьбы связаны с Петербургом. Потом во всех поездках – в горы и обратно – останавливался у нас в Бийске. Участвовал в художественных выставках. Одну экспозицию его жизнерадостных этюдов буквально скупил публика, тогда наполнившая Бийск. Интересно, что Никулин был сыном кабатчика, у которого было два сына и оба художники. Старший сын был, как тогда называли, богомазом – расписывал церкви. Этот брат при работе упал с высоты и убится насмерть. После него остались дети. Поэтому Андрей Осипович не женился, а помогал вдове с детьми. Последний раз я видела художника в Москве на вокзале перед

самым началом войны. Он сказал: «Какая вы стали большая, Лёлочка!». А я, улыбнувшись, ответила: «У меня уже сын вырос».

Мамин портрет его работы висит у нас на стене до сих пор.

Был хороший художник, хороший человек Дмитрий Иванович Кузнецов. Вместе с мамой они работали в Бийском Народном университете: он преподавал живопись, а мама – скульптуру. С ним я виделась в начале 60-х годов, когда приезжала в Бийск.

Был в Бийске странный художник Брянцев. Он спал под лодками, долго мог сидеть на улице, так что одна старушка дала ему еды, приняв его за нищего. И, вместе с тем, это способнейший художник. Помню, еще в первом классе гимназии мы ставили «Бежин луг». Он взял полотно, веник, стал им махать. Мы ничего не поняли. А когда холст повесили, все увидели, что на нём было мастерски передано состояние вечера. Это была прекрасная декорация. Рисовал он и картины.

Был в Бийске приезжий художник А. Макко. Это был старичок с седой бородкой. Типичный анималист, рисовал лошадей, диких животных, и особенно много он рисовал собак. Работал чрезвычайно профессионально.

С детства в Бийске я была дружна с дочерью начальника почты Горшкова Владимира Владимировича. Эта дружба продолжалась всю нашу жизнь уже и в Новосибирске и перешла к детям.

В его семье было 8 детей. Один из сыновей, брат моей подруги Капитолины, Горшков Георгий Владимирович в дальнейшем стал большим художником – маринистом. Его называли «Советским Айвазовским», потому что он удивительно писал море. Со слов Капитолины, около 30 полотен находятся в постоянной экспозиции Государственного Морского Музея в Санкт-Петербурге. И сейчас полотна (размерами 3x2 м) бийчанина Г.В. Горшкова, размещены в кабинетах адмиралов в городах Севастополе и Санкт-Петербурге.

– Елена Григорьевна, расскажите о годах жизни вашей мамы в Новосибирске.

– До начала войны, в 1941 году у мамы были дела в Москве. Мама делала для фарфорового завода скульптурные модели статуэток. Образцы были сданы в приёмную комиссию. Но началась Финская война, потом Великая Отечественная. Тут уже было не до статуэток.

В эвакуацию мы попали в Новосибирск. Здесь мама и лепила, и преподавала в институтах иностранные языки (она знала 5 языков) с другими художниками она занималась реставрацией всех скульптурных памятников. В Новосибирске у мамы был такой приятель – известный художник И. Титков. Была знакома с интересной личностью из семьи знаменитого театрального коллекционера – Инной Константиновной Бахрушиной. После войны мама вернулась в Среднюю Азию, во Фрунзе. Она не переносила морозов. И все время вспоминала о любимой ею Италии. Когда стала старенькой, то прислала мне письмо: «Я приеду к тебе на печку». Мама приехала ко мне в Новосибирск и больше уже никуда не ездила. Умерла она здесь в 1963 году.